

Эрик Рассел

Против странного устройства

«Автор»

Рассел Э. Ф.

Против странного устройства / Э. Ф. Рассел — «Автор»,

Ричард Брансом работает в секретном военном институте, из которого в последние два года начали пропадать сотрудники. Однажды, сидя в кафе, Брансом услышал разговор двух шофёров о том, что около города Бельстон найден труп женщины, убитой много лет назад. Брансом внезапно вспоминает, что он двадцать лет назад убил и закопал недалеко от Бельстона девушку по имени Элайн Лафарк. Боясь возмездия, Брансом пускается в бега. Но, как и большинство преступников, его тянет на место преступления. Попав в Бельстон, Брансом узнаёт, что никакого трупа тут не находили, и начинает сомневаться в своей памяти. Кто и зачем внушил Брансому, что он убийца?

© Рассел Э. Ф.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эрик Фрэнк Рассел

Против странного устройства

Глава 1

Государственный научно-исследовательский центр, самое сердце научных усилий страны, находился в огромном грозном здании, огромном и грозном даже по стандартам двадцатого столетия. В сравнении с ним Форт Нокс и Алькатраз, Бастилия и Кремль были пограничными бревенчатыми фортами. Но все же и он был уязвим. Вражеские глаза усердно изучали то малое, что можно было увидеть. Вражеские умы старательно обдумывали то малое, что было известно о нем, и после такого изучения все место становилось менее безопасным, чем изъеденная молью палатка.

Внешняя стена возвышалась на сорок футов над землей, погружалась в землю на тридцать футов и была толщиной в восемь футов, она была сделана из гранитных блоков, покрытых гладким как шелк алюминиевым цементом. На глади стены не было даже выбоинки для того, чтобы за нее могла зацепиться нога паука. Под основание стены, на глубине тридцати шести футов, располагалась задублированная чувствительная микрофонная система, рассчитанная на пресечение попыток человеческих кротов проникнуть внутрь. Те, кто проектировал эту стену, были твердо уверены, что фанатики способны на все и что ни одна из принятых ими мер не является перестраховкой.

В огромной длине квадратной стены были всего две бреши: маленькая узкая дверь на лицевой стороне стены, служившая для входа и выхода персонала, и большие ворота с задней стороны стены, через которые грузовики привозили необходимые запасы и вывозили готовую продукцию и отходы. Обе бреши были защищены сорокатонными дверями из стали и массивные как двери морского дока. Эти двери действовали автоматически и не могли оставаться открытыми одновременно. Каждая дверь охранялась своим взводом охраны. Охрана состояла из здоровенных, грубых мужчин с суровыми лицами, те, кто имел с ними дело считали, что они выбраны для этой работы благодаря их подозрительному нраву и воинственной натуре.

Выход из этого места был более легок, чем вход. Выходящий обязательно снабженный пропуском на выход, единственно что терпел, эту задержку перед каждой дверью. Задержка эта происходит из-за того, что пока одна дверь не закроется, другая не закроется. Движение в обратном направлении, то есть внутрь, было просто безумием. Если служащий был хорошо известен охранникам, то его при входе ожидала только задержка на открытие дверей и довольно быстрые проверки пропуска, который периодически менялся. Это было обычной процедурой.

Но для незнакомца процедура проверки была серьезной, несмотря на то, какой бы важный пост он не занимал или какие бы авторитетные документы он не предъявлял. Ему приходилось выдержать долгое и доскональное собеседование с первой группой охранников. Если что-либо в его ответах не нравилось охранникам или они были просто не в том настроении, чтобы проверить, посетитель подвергался обыску, который включал в себя изучение даже естественных отверстий входящего. Любой найденный предмет, который охрана рассматривала как подозрительный, излишний, неразумный, необъяснимый или просто не относящийся к визиту, конфисковывался, не смотря на протесты, и возвращался владельцу только при выходе.

Но это был только первый этап. Второй эшелон охраны специализировался на том, чтобы обнаружить то, что не сумел обнаружить первый. Они не преуменьшали значения обыска произведенного первым эшеленом, но настаивали на втором, собственном обыске. Этот обыск мог

включать в себя снятие зубопротезных мостов и изучение полости рта. Эта тактика была введена после того, как были изобретены передающие телекамеры величиной в полсигареты.

Третий эшелон состоял из хронических скептиков. Эти охранники имели привычку задерживать любого незнакомца и проверять с первым и вторым эшелонами был ли ему задан тот или иной вопрос, и если был, то какой ответ был получен. Они также ставили под сомнение каждый ответ, бросая тем самым тень на добросовестность своих предыдущих коллег. Полный отчет о произведенных первых двух обысках поступал также сюда и любой промах в технике обыска здесь исправлялся. Даже если для этого приходилось этого человека снова раздеть. Охранники третьего эшелона имели в своем распоряжении, правда редко использовали, такие серьезные приборы как рентгеновские установки, детекторы лжи, ультразвуковые камеры, устройства для проверки отпечатков пальцев и так далее.

Огромная защитная стена, окружавшая центр, хранила все что находилось за ней. Отделы, цеха, лаборатории были строго отделены друг от друга стальными дверями и упрямыми охранниками, которые не допускали прохода из одной части центра в другую. Каждый такой отсек был обозначен своим цветом в который были выкрашены все стены и двери, чем выше в спектре располагался цвет, тем выше секретность данного подразделения, тем выше приоритет дан этому отделу.

Работники отсека с желтым цветом не могли пройти в отсек с голубым цветом. Работники голубого отсека могли пройти "полировать пол", как они называли это, в желтый отсек и другой, имеющий более низкий приоритет, но им было строжайше запрещено совать нос в красные двери.

Но даже охранники не могли пройти за черные двери без формального приглашения с той стороны. Только люди черного сектора, президент, да Сам Бог Всемогущий могли свободно ходить по все территории центра.

По все этому лабиринту была разбросана сеть проводов, спрятанная в стенах, дверях, а в некоторых местах и в потолках. Провода были соединены с тревожными огнями и сиренами, с устройствами блокировки дверей, с микрофонами и телекамерами. Всякое подглядывание и подслушивание велось специалистами черной секции. Вновь прибывшие люди долго привыкали к тому, что даже в туалете их постоянно видели и подслушивали, потому что где найти лучшее место, чем эта маленькая кабинка, чтобы скопировать, сфотографировать или запомнить секретные данные.

Все эти труды, изобретательность и расходы были бесполезны с точки зрения внешнего и враждебного взгляда. На самом деле все это было настоящим Сингапуром, открытым для атаки с невидимой и неожиданной стороны, если конечно, во всех этих тщательно продуманных предосторожностях не проглядели очевидного.

И не смотря на хитрости и предосторожности, очевидное было упущено. Люди, стоящие высоко на лестнице научного центра, были блестящими специалистами, но каждый в своей области и полными невеждами в других областях. Главный бактериолог мог часами рассказывать о новом вирусе и не мог ответить на такой вопрос, как сколько спутников имеет Сатурн. Главный баллистик мог нарисовать сложнейшую траекторию движения тела, но не мог сказать, к какому классу относится опоссум, к лошадям, оленям или жирафам. Все предприятие было напичкано высококвалифицированными специалистами, там не было лишь одного, такого, который мог бы понять намеки, которые становились уже видны.

Например, никто не предавал значения тому факту, что если служащие смирились с постоянным подслушиванием, подсматриванием и периодическими обысками, большинство из них ненавидели эту систему цветов. Цвет стал символом престижа. Служащие желтого отдела рассматривали себя обделенными по сравнению со служащими голубого отдела, хотя и те и другие получали одинаковое жалование. Человек, работающий за красными дверями рассматривал себя на голову выше, чем человек, работающий за белыми. И так далее.

Женщины, которые всегда были наиболее чувствительными элементами общества в социологическом плане, раздули это еще сильнее. Женщины-служащие и жены работников в своих связях твердо придерживались цветового принципа. Жены работников черного отдела считали себя выше остальных и гордились этим, а жены работников белого отдела считали себя самым дном и очень сердились на это. Сладкая улыбка, воркующий голос и в то же время покошачьи показанные когти были нормальной формой приветствия у них.

Такое положение дел было принято всеми и рассматривалось как заведенный порядок. Но это было далеко не просто такой порядок. Это было прямое доказательство, что на центре работают обычные люди, а не стальные роботы. Отсутствующий специалист – грамотный психолог – мог увидеть это с первого взгляда, даже если он и не мог отличить систему навигации ракеты от системы наведения той же ракеты.

Вот здесь то и лежала главная слабость. Не в бетоне, граните и стали, не в механизмах и электронных устройствах, не в порядке, а просто в плоти и крови.

Отставка Хаперни принесла больше раздражения, чем тревоги. Сорока двух лет, с темными волосами, склонный к полноте, он был специалистом по глубокому вакууму. Все, кто его знал, считали его умным, работающим и спокойным, как гипсовая статуя. Насколько было известно, его ничего не интересовало, кроме работы, ничего не беспокоило, кроме его работы. То что он был холостяк, рассматривалось, как доказательство, что его ничего не отвлекает от основной его работы.

Байтс, начальник отдела, и Лейдлер, начальник охраны, вызвали его для собеседования. Они сидели рядом за большим письменным столом, когда Хаперни, шаркая ногами, вошел в кабинет и мигая уставился на них сквозь толстые стекла очков. Байтс взял из стопки лист бумаги и положил его перед собой.

– Мистер Хаперни, я только что получил вот это. Ваше заявление об отставке. В чем дело?

– Я хочу уйти, – ответил Хаперни, потирая руки.

– Почему? Вы нашли себе лучшее место где-нибудь еще? Мы должны знать это.

Хаперни начал шаркать ногами. Вид у него был довольно несчастный.

– Нет, я не нашел еще другой работы. Да и не искал. Пока что. Может быть потом.

– Тогда почему вы решили уйти? – спросил Байтс.

– С меня довольно, – сказал Хаперни смущенно и взволнованно.

– Довольно? – скептически переспросил Байтс. – Довольно чего?

– Работать здесь.

– Давайте говорить прямо, – настаивал Байтс. – Мы вас ценим. Вы работаете здесь уже четырнадцать лет. До сих пор вы, казалось, были довольны. Ваша работа считалась первоклассной и никто никогда не критиковал ее или вас. Если вы будете продолжать в том же духе вы обеспечите себя до конца своих дней. Вы действительно хотите отказаться от выгодной и интересной работы?

– Да, – подтвердил Хаперни.

– И ничего не имеете лучшего в перспективе?

– Именно так.

Откинувшись на спинку стула, Байтс уставился на него и задумался.

– Знаете что я подумал? Вам стоит показаться врачу.

– Я не хочу, – ответил Хаперни. – Более того, мне это не надо, и я не буду делать этого.

– Врач может просто определить, что вы страдаете от истощения нервной системы в результате того, что вы много и упорно работали. Он может быть просто порекомендует вам долгий и полный отдых, – настаивал Байтс. – Вы можете тогда взять продолжительный оплачиваемый отпуск. Поехать куда-нибудь в спокойное местечко, порыбачить и в положенное время вы вернетесь такой же блестящий, как новенький доллар.

– Я не интересуюсь рыбалкой.

– Какой же черт вас тогда интересует? Что вы собираетесь делать после того, как уйдете отсюда?

– Поеду куда глаза глядят, попутешествую немного. Я хочу быть свободным и ехать куда захочу.

Нахмурившись, вступил Лейдлер.

– Вы хотите выехать из страны?

– Не сразу, – ответил Хаперни.

– Ваше персональное дело говорит, что вы еще ни разу не запрашивали заграничного паспорта, – продолжал Лейдлер. – Я должен вас предупредить, что вам придется ответить на много нескромных вопросов, если вдруг вы запросите паспорт на выезд. Вы были допущены к информации, которая может быть полезна врагу. Правительство не может игнорировать этот факт.

– Вы хотите сказать, что намериваюсь торговать этой информацией? – спросил Хаперни, слегка покраснев.

– Совсем нет. По крайней мере ни при этих обстоятельствах, – горячо заверил Лейдлер, – на данный момент ваша репутация безупречна. Никто не сомневается в вашей преданности. Но...

– Что но?

– Обстоятельства могут измениться. Парень, который просто ездит по стране без работы, без каких-либо источников доходов, в конце концов встает перед финансовой проблемой. И тогда он получит свой первый опыт в испытании бедностью, его идеи начнут меняться. Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Я найду работу, когда-нибудь, где-нибудь, когда я буду для этого готов и здоров.

– Ах так! – вмешался опять Байтс, ехидно подняв брови, – что вы думаете, скажет босс, к которому вы обратитесь с вопросом, не нужен ли ему специалист по глубокому вакууму?

– С моей квалификацией я могу и мыть посуду, – возразил Хаперни. – Если вы не возражаете, я бы хотел решать свои проблемы сам, на свой манер. Это ведь свободная страна, не так ли?

– Мы просто хотим получить ясность, – с угрозой сказал Лейдлер.

Байтс глубоко вздохнул и возразил: – Если парень настаивает на том, чтобы стать сумасшедшим, то мне его не остановить. Так что я принимаю его отставку и передаю его дело в штаб-квартиру. Если они решат, что вас надо пристрелить до рассвета, то это будет на их совести, – он махнул рукой. – Хорошо, идите, я все сделаю.

Когда Хаперни вышел, Лейдлер сказал: – Ты заметил его лицо, когда ты сказал, что его надо пристрелить до рассвета? Мне оно показалось чересчур напряженным. Может быть, он чего-то боится?

– Воображение, – возразил Байтс. – Я видел его в этот момент, он выглядел вполне нормально. Я думаю, что он просто поддался естественному зову природы.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Он просто задержался в сексуальном развитии, а сейчас созрел. Даже в сорок два не поздно заняться этим, чем занимаются в юности. Бьюсь об заклад, что он пустится отсюда во весь галоп, как разгоряченный бык. И так и будет скакать, пока не наткнется на подходящую самку. Тогда он ею воспользуется по прямому назначению, остынет и захочет обратно свою работу.

– Возможно ты и прав, – согласился Лейдлер, – но я бы на это свои деньги не ставил. Я нутром чую, что его что-то беспокоит. Хорошо было бы узнать, что этому причина.

– Не тот тип, чтобы волноваться, – заверил его Байтс, – никогда таким не был и никогда не будет. Все что он хочет, это поваляться с кем-нибудь на сене. А против этого нет закона, не так ли?

– Иногда я думаю, что такой закон не мешало бы создать, – загадочно возразил Лейдлер, – во всяком случае, когда высококвалифицированные специалисты вдруг впадают в лирику, я не могу рассматривать это просто как начало брачного сезона. Здесь могут быть более глубокие причины. Нам надо знать о них.

– И что?

– За ним надо вести наблюдение, до тех пор, пока мы не убедимся, что он не сделает никакого вреда и не намерен это сделать в будущем. Пара агентов контрразведки потаскается за ним это время. Правда, это стоит денег.

– Не из твоего же кармана, – заметил Байтс.

– Конечно нет.

– Так что волноваться?

Новость об отставке Хаперни растеклась по центру, но обсуждалась как бы между прочим. В столовой Ричард Брансом, металлург из зеленого отдела, помянул об этом своему сослуживцу Арнольду Бергу. В дальнейшем они будут участниками еще более таинственных событий, но тогда ни один из них об этом и не подозревал.

– Арни, ты слышал, что Хаперни собрался линять?

– Да, он сам мне об этом сказал несколько минут назад.

– Хм. Неужели задержка результатов по его тематике так его разбила? Или, может, ему где-нибудь предложили большие деньги?

– Нет, – возразил Берг. – Он сказал, что устал от режима и хочет какое-то время пожить свободно. В нем просто проснулся цыган.

– Странно, – пробормотал Брансом. – Он никогда не казался мне непоседой. Всегда был таким неподвижным и прочным, как скала.

– Да, он никогда не производил впечатление бродяги, – согласился Берг, – но ты же знаешь, не даром говорят – чужая душа потемки.

– Может, ты и прав. Я иногда устаю от этих порядков. Но уж, конечно, не настолько, чтобы бросить хорошую работу.

– Тебе надо содержать жену и двух потомков, – возразил Берг, – у Хаперни никого, кроме его самого. Он может делать все, что захочет. Если он хочет поменять профессию научного работника на уборщика мусора, я могу пожелать ему только удачи на новом поприще. Кто-то должен для нас и помои убирать, а то мы все в них погрязнем. Ты об этом думал?

– Мои мысли заняты более высокими делами, – уклончиво ответил Брансом.

– Твои мысли спустятся до низких вещей, если твой задний двор будет тонуть в помоях, – пообещал Берг.

Проигнорировав последнее замечание, Брансом сказал:

– Хаперни – зануда, но не дурак. У него тугодумная, но блестящая голова. Если уж он уходит, то это, несомненно, по стоящей причине, но он достаточно умен, чтобы не афишировать ее.

– Например, какую?

– Не знаю. Я могу только догадываться. Может, он нашел себе работу где-нибудь в другом государственном центре, но ему велели держать язык за зубами.

– Может быть. В этом нестабильном мире все может быть. В один прекрасный день я сам могу исчезнуть и сделать карьеру как стриптизный танцор.

– С таким-то пузом?

– Это может добавить интерес, – сказал Берг, с любовью похлопывая себя по животу.

– Ну пусть будет так, – Брансом помолчал, потом сказал. – Теперь, когда я думаю, мне кажется, что это место становится все более и более гнилым.

– Все, что можно рассматривать как бремя от налогоплательщиков, должно получать время от времени толчок, – пояснил Берг. – Всегда есть кто-нибудь, кто врет о расходах.

– Я не имею в виду разговоры о новых урезаниях в бюджете. Я думаю о Хаперни.

– Его уход работы не остановит, – заверил его Берг. – Просто небольшие затруднения. Для того чтобы найти специалиста, надо приложить усилия и потратить время. Количество таких специалистов не безгранично.

– Точно. А мне кажется, что за последнее время такая трата сил и времени происходит все чаще и чаще.

– С чего ты взял? – спросил Берг.

– Я здесь уже восемь лет. За первые шесть наши потери были вполне разумными и их можно было предсказать. Мужики достигали шестидесяти пяти и уходили на пенсию. Другие продолжали работать и через какое-то время умирали или заболели. Несколько молодых загнулось от естественных причин. И так далее. Как я уже сказал потери можно было предвидеть.

– Ну?

– А теперь посмотрим на последние два года. Кроме нормального числа ушедших в отставку, переведенных на другую работу, умерших, появились такие, которые исчезли по менее обычным причинам. Например, были Мак-Лайн и Симпсон. Поехали в отпуск на Амазонку и прямо как растворились, никаких следов от них не нашли до сих пор.

– Это было полтора года тому назад, – согласился Берг. – Бьюсь об заклад, что они давно мертвы. Могло произойти что угодно. Утонули, змеиный укус, лихорадка или просто их живьем съели пираньи.

– Потом был Хакобер. Женился на состоятельной даме, у которой был замок где-то в Аргентине. Поехал туда помочь по хозяйству. Но как очень способный химик, не мог тебе точно сказать из какого конца коровы раздается "му".

– Он мог это и знать. Он сделал это из-за любви и денег. Это стоит усилий. Дай мне шанс, я бы сумел.

– Хендерсон, – продолжал Степсон, не обращая внимание на замечание, – та же история, что и с Хаперни. Попросил отставку. Я слышал, что потом его видели где-то на западе, он там заимел промтоварный магазин.

– Я слышал, что как только его там обнаружили, он тут же исчез опять, – заметил Берг.

– Да, ты напомнил мне о слухах. Так вот, был еще один слух о Мюллере. Его нашли застреленным. Заключение было – смерть от несчастного случая. Слухи говорили, что это было самоубийство. Ведь у Мюллера не было каких бы то ни было причин лишать себя жизни, и он не был похож на типа, который будет небрежно обращаться с оружием.

– Ты хочешь сказать, что он был убит? – спросил Берг, подняв брови.

– Я хочу сказать, что его смерть была странной, мягко сказать. К этому прибавь случай с Арваньяном, который произошел пару месяцев назад. Свалил свою машину с набережной прямо в воду на глубину сорок футов. Сказали, что он был в обморочном состоянии. Ему тридцать два года, атлетического сложения и прекрасного здоровья. Теория с обмороком не кажется мне слишком убедительной.

– И какое у тебя медицинское звание?

– Никакого, – согласился Брансом.

– Ну, парень, который выдвинул теорию с обмороком, был опытным доктором. Я думаю, он знал, что говорит.

– А я и не говорю, что он не думал, что говорит. Я только сказал, что он сделал подходящую догадку, а не поставил диагноз. И это не зависит от того, кто ее сделал.

– У тебя есть лучшие предположения?

– Да. Если бы Арваньян был любителем заложить за воротник. То – в этом случае, если предположить, что он вел машину в пьяном виде, то все сходится. Но насколько я знаю, он не был любителем выпить. Не был он и диабетиком, – Брансом сделал задумчивую паузу и продолжил. – Может, он заснул за рулем?

– Это возможно, – согласился Берг, – со мной самим такое произошло много лет назад. И это произошло не от усталости. Я заснул от долгой монотонной дороги, пустынной дороги в темноте, от шуршания шин, от пляски огней фар на шоссе. Я зевнул несколько раз, а потом – Бам! – очнулся на полу с портфелем на голове. Этот случай встряхнул меня на несколько недель, скажу тебе я.

– Арваньян не ехал долгой утомительной дорогой. Он проехал точно двадцать четыре мили.

– Ну и что? Он мог устать и задремать после рабочего дня. Может, он до этого не выспался. Несколько испорченных ночей могут свалить человека. Он может в таком состоянии уснуть где угодно.

– Ты прав, Арни. Как отец двоих детей я знаю, что это такое. Недостаток сна может свалить человека. А это заметно по его работе, – Брансом постучал по столу, чтобы подчеркнуть эти слова. – По работе Арваньяна этого не было заметно.

– Но...

– Более того, он по всем данным ехал домой. А набережная была в стороне от прямой дороги домой. Он делал крюк в три мили. Он что, сделал крюк, чтобы попасть туда? Почему?

– Понятия не имею.

– И я тоже. Это выглядит как самоубийство. Вполне возможно, что это и не было самоубийством. Никто не знает, что произошло. У меня такое чувство, что во всем этом есть что-то странное. Это все, что я знаю.

– Ты чересчур подозрителен, – заметил Берг. – Тебе бы надо стать частным детективом и открыть сыскное агентство.

– Это слишком беспокоит и никаких гарантий, – ответил Брансом.

Он взглянул на часы:

– Пора вкалывать, – вздохнул он.

* * *

Через два месяца Берг исчез. В течение десяти дней, предшествовавших его исчезновению, Берг был тихим, задумчивым и молчаливым. Брансом, который работал рядом с ним, первые дни относил это просто к плохому настроению. Но постепенно это все меньше и меньше напоминало плохое настроение и все больше походило на осторожное молчание. Брансом заинтересовался:

– Что-нибудь случилось?

– А?

– Я говорю, у тебя что-нибудь случилось? Ты ходишь нахохлившись, как наседка.

– Я этого не замечал, – возразил Берг.

– Ты должен был заметить это теперь, когда я сказал тебе это. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Со мной все в порядке, – возразил Берг, – не может же человек постоянно трепаться.

– Про тебя-то уж такого не скажешь.

– Ну вот и нормально. Я говорю, когда мне это хочется и молчу, когда хочу.

После этого молчание усилилось. В последний день от Берга слышали только слова, которые были необходимы по работе. На следующий день он не появился. В обед Брансом был вызван в кабинет Лейдлера. Тот приветствовал его нахмурившись и указал на стул.

– Садитесь. Вы работаете вместе с Бергом, не так ли?

– Да.

– Вы с ним в дружеских отношениях?

– В достаточно хороших, но я бы не назвал это дружбой.

– Что вы хотите этим сказать?

– Мы вполне сработались, – ответил Брансом. – Он понимает меня, а я его. Каждый из нас знает, что он полностью может положиться на другого. Вот и все.

– Чисто рабочие отношения?

– Да.

– А вне работы вы не общаетесь?

– Нет. Вне работы у нас нет ничего общего.

– Хм, – Лейдлер был разочарован. – Он сегодня не появился на работе. И никаких объяснений не оставил тоже. Вы не знаете, в чем тут дело?

– Нет. Вчера он ничего не говорил. Может, он болен?

– Нет, – возразил Лейдлер. – У нас нет медицинского сертификата.

– Прошло еще слишком мало времени. Если его послали только сегодня, то вы сможете получить его только завтра.

– Он мог бы позвонить, – настаивал Лейдлер. – Он знает, как пользоваться телефоном. Он уже вполне взрослый для этого. И даже если он где-нибудь привязан к постели, он мог попросить кого-нибудь позвонить нам.

– Может, его привезли в больницу в таком состоянии, что он не мог говорить, – предположил Брансом. – Такое иногда случается. Во всяком случае, телефон работает в оба конца. Если бы вы сами позвонили ему...

– Гениальная идея! Это делает вам честь, – огрызнулся Лейдлер раздраженно, – мы звонили ему два часа назад. Никто не подходит. Мы позвонили соседу. Сосед поднялся и несколько минут колотил в дверь. Никакого ответа. Сосед нашел хозяина и открыли дверь запасным ключом. Осмотрели дом. Никого. Квартира в обычном порядке и ничего необычного не заметили. Хозяин не знает, когда Берг вышел из дому и, кстати говоря, приезжал ли он вчера вечером домой он тоже не знает. – Лейдлер потер подбородок, немного подумал, потом продолжил, – Берг разведен. А вы не знаете, есть ли у него какая-нибудь знакомая?

Брансом задумался.

– Случайно он упоминал о девушке, с которой встречался, и которая ему нравилась. Он упоминал о ней четыре или пять раз. Но мне кажется, это все было не настолько серьезно. Это было просто развлечение. В отношении к женщинам он напоминал замороженную рыбу и они чувствовали это, по крайней мере большинство из них, и платили ему тем же.

– В таком случае это не похоже на то, что он проспал в каком-нибудь любовном гнездышке, – заметил Лейдлер, потом добавил. – Если он не восстановил отношения со своей прежней женой.

– Сомневаюсь.

– Он упоминал о ней в последнее время?

– Нет. Я вообще думаю, что он не вспоминал о ней в последние годы. По его словам, они были совершенно несовместимыми, но выяснили это только после свадьбы. Ей нужна была страсть, а ему покой. Она называла его интеллектуальным мучением и выбросила его за борт. Через несколько лет она вышла замуж снова.

– В его личном деле сказано, что у него нет детей, и что ближайшим родственником является его мать. Ей восемьдесят лет.

– Может быть с ней плохо и он помчался к ней? – предположил Брансом.

– Как мы уже говорили, у него был весь день, чтобы позвонить нам. А он не позвонил. Более того, с его матерью все в порядке. Мы проверили это совсем недавно.

– Тогда ничем не могу помочь.

– Нет, может, и можете, – возразил Лейдлер, – последний вопрос. Есть еще кто-нибудь в центре, кто мог бы хорошо быть информирован о личных делах Берга? Кто-нибудь, кто разделяет его вкусы и хобби? Кто-нибудь, кто может с ним проводить выходные дни?

– Никого из таких людей я не знаю. Берг не был замкнутым, но и общительным его тоже не назовешь. Было полное ощущение, что после работы он вполне удовлетворен своей собственной компанией. Я всегда смотрел на него, как на очень самодовольного индивида.

– Ну, если завтра он появится на работе с улыбкой во всю рожу, то ему понадобится ему все его самодовольство, так как он тут же попадет на ковер, за прогул без уважительной причины и не предупредив никого. Это против правил и это заслуживает наказания. Но и заставляет нас волноваться. Правила созданы не для того, чтобы нарушать их. А мы не любим волноваться, – закончил Лейдлер с искрами раздражения и власти в голосе. – Если он появится или вы услышите о нем что-нибудь из каких-либо источников, ваш долг немедленно сообщить нам.

– Я обязательно так и сделаю, – пообещал Брансом.

Покинув кабинет Лейдлера и отправившись в свой зеленый отдел, Брансом все время думал о происшедшем. Может быть, ему следовало рассказать Лейдлеру о недавнем разговоре с Бергом или о подозрениях последнего? Но что это даст? Он не может ничего объяснить. А может следовало рассказать о недавней грубости Берга? Но Берг не был похож на человека, который будет долго носить обиду в сердце. И еще меньше он похож на человека, который будет отсиживаться в укромном местечке, как обиженный ребенок.

Обдумывая и взвешивая все это, он вспомнил замечание Берга, несколько месяцев тому назад: "В один прекрасный день я сам, может быть, исчезну и сделаю себе карьеру "стриптизного танцора". Что это было, простая шутка или здесь был скрыт какой-то смысл? И если в этом был смысл, то что Берг подразумевал под "стриптизным танцором"? Все это были вопросы без ответов.

– Да Бог с ним, – подумал про себя Брансом, – у меня довольно своих собственных проблем. Во всяком случае, он наверняка появится завтра с какой-нибудь уважительной причиной.

Но Берг не появился ни завтра, ни послезавтра. Он ушел навсегда.

Глава 2

В следующие три месяца еще три высоко квалифицированных специалиста при обстоятельствах, которые могли и должны были поднять тревогу, но не подняли, исчезли. Один, также как Берг просто пропал в неизвестном направлении, очевидно, следуя своей прихоти. Двое других исчезли, официально сославшись на мало убедительные обстоятельства, которые только усилили гнев Байтса и Лейдлера. Последний решил, что по этому поводу надо что-то делать. В свободной стране каждый может оставить работу и искать другую без того, чтобы его арестовали за недостаточную откровенность или заставили сделать операцию.

Потом пришла очередь Ричарда Брансома. Мир начал для него распадаться в пятницу, тринадцатого. До этого дня он жил в приятном удобном мире, не обращая внимания на некоторые недостатки этого мира. В нем были случайности, рутина, скука и соперничество, страх и тысяча и одна разные другие события, которые переживает каждый человек. Но жизнь надо прожить. Жизнь полна мелочей, которые мы принимаем как должное и почти не замечаем, пока они вдруг не исчезнут.

Каждое утро в восемь десять отходил поезд. Те же лица, на тех же сиденьях, тот же шелест разворачиваемых газет, тот же гул голосов при разговоре. Или вечерняя дорога домой вдоль обсаженной деревьями аллеи, где всегда можно встретить какого-нибудь соседа, чистящего газон на лужайке. Щенок, прыгающий вокруг тебя перед твоим крыльцом. Улыбающееся, покрасневшее от кухонной жары лицо Дороти, приглашающей в дом, когда двое детей виснут у тебя на руках и просят сделать что-то для них смешное и веселое.

Вот это и есть малюсенькие, но ценные крупинки, из которых и состоит обычный день. И вот разом они теряют свою реальность. Они расплываются и становятся размытыми, они маячат как нетвердые признаки, не решившие идти ли им дальше или остановиться. Они покинули его, оставив в ужасном умственном одиночестве. Он ринулся за ними с желанием догнать их, их, которых разжигали его шокированный мозг, догнал их, но они тут же исчезли снова.

Все началось с нескольких слов. Он возвращался домой в холодный вечер, который нес в себе явные намеки приближающейся зимы. Тонкие слои тумана плавали в приближающихся сумерках. Как всегда, он должен был пересесть с поезда на поезд, и для этого ему надо было двадцать минут подождать на платформе. Следуя своей обычной привычке, он прошел в буфет, чтобы выпить за это время кофе. Он сел на стул за стойкой с правой стороны и сделал заказ, который он делал уже бесчисленное число раз.

– Черный кофе, пожалуйста.

Рядом с ним сидели два человека, крутили в руках чашечки с кофе и вели несвязную беседу.

Они выглядели как ночные шоферы-"дальнобойщики", собирающиеся вскоре приступить к своим обязанностям. Один из них говорил со странным непонятным акцентом, который Брансом не мог определить.

– Шансов пятьдесят на пятьдесят, – сказал тот, что говорил с акцентом, – даже если это было сделано вчера. Полиция никогда не раскрывает более половины убийств. Они сами в этом признаются.

– Не знаю, – возразил другой. – Цифры могут врать. На пример, сколько раз они прихватывают кого-нибудь, кто совершил более одного преступления, к примеру, дюжину?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Смотри, давай будем рассуждать о вещах как они происходят на самом деле, а не как они должны быть. Никого не наказали за убийство, это будет начальный факт. Парня допустим, приговорили к смерти совсем за другие грехи. Но они знают, что он убийца, а доказать этого не могут. А они должны доказать, иначе им его не прихватить.

– Ну?

– Но он, возможно, замешан в нескольких других убийствах, о которых они не знают, или не могут их доказать. Все эти убийства остаются нераскрытыми. Но что толку, если они и сумеют их на него повесить? Никакого! Они не могут казнить его несколько раз. Когда заплатит за свое убийство, он заплатит за все сразу. Он заплатит за определенное преступление, которое они раскрыли, – говорящий задумчиво отхлебнул кофе, – этот факт никогда не опубликовывался и никогда о нем не скажут. Но если бы он был обнаружен, то мы бы увидели, что шанс для убийцы остаться безнаказанным – двадцать из ста.

– Пусть будет так, – согласился тот, что говорил с акцентом. – Но как они утверждают, это было совершено лет двадцать назад. Это дает преступнику кое-какую фору.

– А как ты оказался замешан в этом?

– Я же говорил тебе. Вода подымала это большое дерево. Оно очень низко склонилось над дорогой. Заставило меня даже пригнуть голову, когда я проезжал мимо. Через несколько минут я встретил патрульную полицейскую машину. Я остановил ее и предупредил их о том, что пятьдесят тонн готовы перекрыть дорогу. Они поехали туда посмотреть.

– А потом?

– Затем полицейский пришел в кантору и спросил меня. Он сказал, что дерево спилили и увезли. А вот под корнями нашли человеческие кости, принадлежащие женщине, убитой около двадцати лет назад. Что они ждут какого-то эксперта, который осмотрит эти кости, – говорящий отхлебнул кофе, посмотрел нахмурившись на стену и продолжил. – Он сказал, что у нее пробит череп. При этом он уставился на меня, как будто я и есть тот кадр, которого они ищут. Он спросил меня, сколько лет я езжу по этой дороге и не видел ли я там кого-нибудь или что-нибудь подозрительное.

– А ты ему ничего и не сказал, – усмехнулся второй.

– А я и не мог ему ничего сказать. Он записал мой адрес на случай, если я им еще понадоблюсь. Может быть, они теперь будут за мной следить, когда я буду проезжать через Бельстон. Это все, что получил за заботу об обществе.

Бельстон!

БЕЛЬСТОН!

Человек, слышавший все это и сидевший на другой стороне прилавка, уставился в свою чашечку кофе. Чашка опустилась вместе с рукой, как будто из руки внезапно утекла вся сила. БЕЛЬСТОН! Чашечка чуть не упала. Он не дал ей упасть, только собрав всю свою силу и поставил ее аккуратно на блюдечко, затем соскользнул со стула и медленно вышел. Шофера не заметили как он удалился. Он медленно шел, коленки дрожали, в спине пробежал холодок, голова кружилась.

Я РИЧАРД БРАНСОМ, ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ МЕТАЛЛУРГ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ. МНЕ ДОВЕРЯЕТ МОЕ НАЧАЛЬСТВО. УВАЖАЮТ ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ, МЕНЯ ЛЮБИТ МОЯ ЖЕНА, ДЕТИ И ДАЖЕ ЩЕНОК. ПРЕЖДЕ ЧЕМ МЕНЯ ПОСТАВИЛИ НА СЕКРЕТНУЮ РАБОТУ, МЕНЯ ПРОВЕРЯЛИ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ СПЕЦИАЛЬНО ОБУЧАЛИСЬ ЭТОМУ. МОЕ ДЕЛО ЧИСТОЕ. МОЯ РЕПУТАЦИЯ БЕЗУПРЕЧНА. НА МНЕ НЕТ НИ ОДНОГО ПЯТНА!

НЕТ ПЯТНА?

БОЖЕ, ПОЧЕМУ МЕРТВЫЕ ВСТАЮТ ИЗ СВОИХ МОГИЛ И ВМЕШИВАЮТСЯ В ДЕЛА ДРУГИХ? ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ЛЕЖАТ В СВОИХ МОГИЛАХ И НЕ ДАЮТ ЖИВЫМ ЖИТЬ В МИРЕ И ПОКОЕ?

* * *

Он стоял и пустыми глазами смотрел на подходящий поезд, которого он до этого ждал, и сейчас не осознавал его приближения. Ноги сами внесли его в вагон, в котором он обычно ездил. Он шел как слепой. Он непонимающе огляделся, сел на свое обычное место и все это как во сне, не понимая, что делает.

ПОЧЕМУ Я УБИЛ ЭЛАЙН?

Вагон был как всегда полон. Рядом с ним и вокруг него сидели все те же лица. Он приветствовал их при входе обычным кивком головы и они были готовы как всегда поболтать с ним о пустяках.

Человек, сидевший против него, Фамилоу, свернул свою вечернюю газету, пихнул ее в карман, откашлялся и сказал:

– Сегодня был прекрасный день, я думаю вы со мной согласитесь. За последнее время погода компенсирует нам... – он осекся и продолжил уже громче. – Вы плохо себя чувствуете, Брансом?

– Я? – Брансом вздрогнул. – Нет, все в порядке.

– Вы плохо выглядите, – сообщил Фамилоу. – Вы такой бледный, как будто вас побелили, – он наклонился в сторону и хихикнув, легонько толкнул локтем Коннели, человека, сидевшего рядом с ним. – Слышишь, что говорю? Брансом такой бледный, как будто его побелили.

– Да, выглядит он плоховато, – согласился Коннели, не собираясь восхищаться чужим остроумием. Он отодвинул в сторону свои колени. – Не стошните на мои колени.

– Все нормально. Со мной все в порядке, – слова прозвучали какими-то чужими.

ПОЧЕМУ Я УБИЛ ЭЛАЙН?

Фамилоу оставил эту тему и начал жаловаться на бога и на падение деловой активности.

Все это время он смотрел на Брансома своими бесцветными глазами слегка вытаращенными. Казалось, что он все время ожидает, что произойдет что-то неприятное. Коннели тоже ожидал чего-то, правда, не в таком явном виде. У них был вид людей, которые не по своей воле были вызваны оказать первую помощь человеку, катающемуся в припадке по полу.

Поезд продолжал громыхать колесами по рельсам, разговор заглох, и все трое сидели, чувствуя себя не в своей тарелке. Никто не пытался возобновить разговор. Наконец за окном показалась полоса огней, которая замедлилась, и поезд остановился. В туманной темноте на платформе послышались голоса. Кто-то в голове поезда с грохотом вез сундук. Коннели и Фамилоу не отрывали выжидательного взгляда от Брансома, который, казалось, совершенно не замечал их внимания.

В конце концов Фамилоу наклонился и похлопал Брансома по колену.

– Если вы, конечно, не переехали, то это ваша станция.

– Да? – Брансом недоверчиво посмотрел на него.

Он поднял занавеску и уставился в окно.

– Действительно! – он схватил свой портфель и ринулся в проход. – Должно быть я просто задремал.

Когда он выходил из вагона, то услышал, как Коннели сказал:

– Задремал с кошмарами, наверное.

Затем он оказался на платформе, наблюдая, как отходит поезд. Ярко освещенные вагоны один за другим проезжали мимо него. Он мог видеть в окнах пассажиров, которые болтали между собой, читали газеты и покачивались в полудреме. Ни у кого не было настоящих причин для волнения. Их головы были заняты лишь вполне тривиальными мыслями. Что у них будет сегодня на обед? Чувствовали желание провести тихий спокойный вечер перед телевизором и

задумывались, хочет ли Мабл тоже провести вечер дома, или куда-нибудь сходить? Они были ленивы и благодушны, каким был и он сам по дороге домой до сегодняшнего дня.

Но сейчас началась охота, и дичью в ней был Брансом. Стоя один, если не считать этих проезжающих вагонов, он испытывал настоящий страх преследования. Это было не какое-нибудь ощущение приключения, как можно было бы сказать. Это было разбивающее мысли психическое состояние, которое он никогда не испытывал. И в конце этого бега на длинную дистанцию стоял приз для победителя – электрический стул. Он мог представить со всей отчетливостью этот стул, и это видение в нем вызывало головокружение.

Он не мог избежать этих мыслей и в то же время не мог ничего придумать. Выйдя со станции, пройдя по улице и завернув за угол, он продолжал идти, совершенно не представляя себе, где он. Автопилот, который находился у него в голове, взял управление на себя и вел его домой по хорошо известному маршруту. Он видел ярко освещенные окна соседей. Раньше эти окна наводили на мысли о жизни, протекающей повсюду, теперь он смотрел на них как на просто огни, потому что мысли его были о смерти. Кости, которые могли и должны были перейти в другое столетие. Кости, которые должны были остаться под корнями до тех пор, пока не пройдет столько времени, что связать эти кости с настоящим будет невозможно. В этой цепи случайностей, казалось, есть какое-то дьявольское упрямство, которое хотело направить всю цепь случайностей в направлении определенного виновного. Из миллиона деревьев только одно, вполне определенное, должно было наклониться и начать охоту на человека.

На встречу ему попался молодой Джимми Лингстром, таща за веревку маленький грузовой ярко красного цвета.

– Здравствуй, мистер Брансом, – крикнул он.

– Здравствуй, – механически ответил Брансом, забыв прибавить "Джимми", как делал всегда.

Он механически пошел дальше, как робот.

Пару месяцев назад он заполнял однообразные часы какого-то путешествия, чтением одного из сенсационных журнальчиков о преступлениях. Кто-то забыл этот журнальчик на сидении в поезде и Брансом подобрал его из любопытства и начал перелистывать. Одна из правдивых историй в этом журнале рассказывала, как собака во время прогулки выкопала кости руки с золотым кольцом. И отталкиваясь от этой маленькой детали шаг за шагом, адвокаты и детективы, разъезжали по всему свету и собирали и складывали кусочки джигсо в течение двух лет. И вдруг видна стала вся картина во всей своей неприглядности и человек пошел на электрический стул через четырнадцать лет после совершения преступления.

А теперь вот это. Где-то недалеко находится большая контора, в которой работают ученые ищайки, и они уже изучают жертву. Определяют примерную дату убийства, пол, вес, рост и множество других деталей, которые понятны только специалистам. Распутывание паутины лжи началось, а окончание этой процедуры зависит только от времени.

Его пульс участился от таких мыслей. Как настанет конец? Дома, на работе или может быть вот так сейчас, по дороге домой или на работу? Возможно, дома, и этого он боялся больше всего. В своем мозгу, возбужденным происходящим, он легко мог представить себе эту сцену. Дороти пойдет откроет дверь и впустит двух или больше суровых мужчин с грубыми лицами и будет стоять с широко раскрытыми глазами, пока один из них будет говорить.

– Ричард Брансом? Мы из полиции. У нас есть ордер на ваш арест, и мы должны вас предупредить, что все, что вы сейчас скажете, может...

Визг Дороти. Дети плачут и пытаются выставить полицию за дверь. Щенок повизгивает от симпатии к нему и ищет укромное местечко. А полиция уведет его, они пойдут рядом с ним, с обеих сторон от него, чтобы он не убежал. Поведут его от Дороти, от детей, от щенка, от дома, от всего, что для него так дорого. И это навсегда, навсегда, навсегда.

Его прошиб холодный пот, несмотря на ветреный вечер, когда он обнаружил, что вот уже пятьдесят ярдов, как он пошел собственный дом. Развернувшись на одном каблуке, он вернулся, поднялся на крыльцо, и как пьяный начал беспорядочно шарить в карманах в поисках ключа.

Как только он вошел в дом, дети с визгом бросились к нему и начали на него прыгать. Каждый визг казался ему особенно пронзительным и ударял по нервам, такого он еще никогда не испытывал. Щенок повизгивал и крутился у него под ногами, заставляя его постоянно спотыкаться. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы не реагировать на визг и водворить на лицо фальшивую улыбку. Он погладил две растрепанные головки. Он погладил и похлопал по двум мягким щечкам, осторожно переступил через щенка и, сняв пальто, шляпу, повесил их на вешалку.

Дети сразу заметили, что что-то не в порядке. Они замолчали, отошли в сторону и мрачно наблюдали за ним, зная что у него какие-то неприятности. Он попытался развеселить их, но теперь ему это уже не удалось. В свою очередь, они не сделали ничего, что могло бы его успокоить. Даже сам их взгляд говорил как бы о том, что они знают, что на нем лежит какое-то проклятие.

* * *

Из кухни послышался голос Дороти:

– Это ты, дорогой? Ну как прошел день?

– Беспокойно, – признался он.

Он прошел на кухню, поцеловал ее и на какое-то время поддался слабости. Он обнял ее чуть-чуть слишком сильно и держал в руках чуть-чуть слишком долго, как будто хотел сказать, что никогда с ней не расстанется.

Она немного отодвинулась от него, внимательно посмотрела на него, и ее изогнутые брови нахмурились.

– Что-нибудь серьезное, Рич?

– Что серьезное?

– То, что у тебя в голове.

– Нет, меня ничего не тревожит, – соврал он, – просто пара сложностей, на работе. Со всеми этими проблемами сойдешь с ума, но за это мне и платят деньги.

– Ну, – сказала она с сомнением, – постарайся не поддаваться этому. Дом – это то место, куда люди уходят от всего этого.

– Знаю, – согласился он, – но от них не так просто избавиться. Может, некоторые и могут отбросить их сразу же после выхода из лаборатории, но у меня так не получается. Даже дома мне надо еще около получаса, чтобы избавиться от них окончательно.

– Но тебе за такую переработку не платят.

– Мне и так платят достаточно.

– Ты этого заслуживаешь, – сказала она определенно, – лучшие головы заслуживают лучшей платы.

Он похлопал ее по щеке.

– Они знают это, моя милая. Но на свете есть куда лучшие головы, чем моя.

– Ерунда, – ответила она, ставя под миксер миску. – У тебя просто появился комплекс неполноценности. Ты меня просто удивляешь.

– Нет, – возразил он, – хорошая голова достаточно хороша, чтобы увидеть еще более хорошую голову. В институте есть такие, которые достойны широкой известности, поверь мне. Умные люди, Дороти, очень умные. Хотел бы я быть таким же компетентным, как они.

– Ничего, если ты еще не такой, то скоро обязательно станешь, – завершила Дороти.

– Надеюсь.

Он задумался. "Будешь", сказала она. Будущее время. Это имело смысл еще вчера, но не сегодня. Его будущее было отобрано чужими руками, медленно, по кусочкам, частичка за частичкой. До того дня, скоро или рано...

– Ты какой-то вялый сегодня. Голоден?

– Не очень.

– Обед будет готов через несколько минут.

– Хорошо, дорогая. Я как раз за это время помоюсь.

По дороге в ванную он стянул с себя рубашку и начал мыться, как будто таким образом хотел смыть всю черноту у себя на голове. В его голове была паутина, каждый раз, как он наклонялся над раковиной, его слегка качало в сторону.

Поспешно вошла Дороти.

– Я забыла сказать тебе, там есть сухое и теплое полотенце... ой, Рич, ты где-то рассадил себе руку.

– Я знаю, – он взял из ее рук полотенце и начал промокать себе шею и груди, потом согнул руку, чтобы посмотреть на ссадину на локте. Локоть побаливал. – Упал на ступеньках в Бринагане сегодня утром. Рассадил локоть и ударился затылком.

Она ощупала его затылок, запустив свои тонкие пальцы ему в волосы.

– Да, там здоровая шишка.

– И не говори. Очень больно, когда до нее дотрагиваешься.

– Рич, ты так можешь сломать себе шею. Там очень крутые ступеньки. Как же это случилось?

– Сам не знаю, – он кончил вытираться и взял рубашку. – Я спускался по ним так же как и тысячу раз до этого. И вдруг нырнул прямо вниз. И не поскользнулся, и не запнулся. Не помню, чтобы плохо себя чувствовал, головокружение там или еще что. Просто взял и полетел прямо на землю. Навстречу поднимались два парня, они видели как я пошатнулся, кинулись ко мне и сумели подхватить меня. Я думаю, если бы не они, все было бы гораздо хуже.

– Ну, а потом?

– Я, видимо, вырубился на какое-то время, потому что, когда пришел в себя, я уже сидел на ступеньках, а один парень хлопал меня по щеке и спрашивал: – "С вами все в порядке, мистер?". Я с трудом поднялся на ноги, ноги у меня дрожали и пошел дальше. Надо сказать, я чувствовал себя очень глупо.

– Ты ходил к доктору?

– Нет. Не было каких-либо оснований. Пара синяков и все. Я не привык бегать к докторам, каждый раз как я ударюсь и поцарапаюсь.

Она озабоченно оглядела его.

– Но, Рич, если с тобой случился такой обморок, то значит с тобой что-то не все в порядке и...

– Со мной все в порядке. Я настолько здоров, что вполне могу упасть с Большого Каньона и потом запрыгнуть туда обратно. Не надо беспокоиться о какой-то ссадине и шишке. Дети, пока не повзрослеют, получают такое постоянно, – он взял воротничок и галстук и начал одевать их. – Я просто о чем-нибудь задумался и оступился, что-нибудь подобное. Это научит меня смотреть, куда я иду. Давай забудем об этом. Хорошо?

– И все равно, я... – ее голос вдруг затих, на лице появилось озадаченное выражение, – что-то горит, – вскрикнула она и бросилась на кухню.

Он внимательно осмотрел себя в зеркале, пока завязывал галстук. Вытянутое аскетическое лицо, тонкие губы, довольно темные глаза, темные волосы. Маленький белый шрам на левом виске. Хорошо выбрит, хорошо одет. Через сколько времени они составят описание его наружности? Как долго до того момента, когда какой-нибудь писака, без галстука, постоянно

жующий сигареты, напишет о нем статью с кричащим заголовком вроде: "Фантом-убийца из Куперкрик!"?

То, что смотрело на него из зеркала, никак не походило на лицо убийцы. Но его вполне можно изменить, особенно на фотографии с глазами, уставленными в камеру и с полицейским номером, висящим на шее. Каждый может выглядеть убийцей при таких обстоятельствах, особенно, когда глаза устали от яркого света и сам валяешься с ног от бессонной ночи, проведенной на допросе.

– Обед готов!

– Иду, – отозвался он.

Ему совершенно не хотелось есть, но надо было пройти через всю эту процедуру обеда.

Тревога, звенящая у него в голове, отзывалась болью в животе. Но отказ от пищи мог вызвать еще больше нежелательных вопросов. Ему пришлось есть через силу.

Перед смертью не надышишься.

Смешно.

Когда человек видит свой конец, ему должно быть не до еды.

* * *

Он шел мимо охраны, как всегда в девять утра. Кивнул охранникам всех трех отрядов, переминаясь, подождал у каждой двери. По инструкции охранники должны были бы спросить его пропуск и изучать его несколько минут, несмотря на то, что хорошо знают его. Но это правило перестало быть строгим после того, как Каин взорвался, когда его шурин спросил у него его пропуск в семнадцатый раз за день. Теперь охранники только кивали знакомым. И бросались на тщательную проверку только к незнакомым для них лицам.

В раздевалке он снял пальто и шляпу, и повесил их в металлический шкафчик, потом натянул на себя рабочий халат темно-зеленого цвета с металлической круглой бляхой на груди. Затем он прошел по нескольким коридорам, мимо еще нескольких охранников и прошел через темно-зеленые двери. Дольше он прошел через хорошо оборудованную лабораторию и, наконец, дошел до большого помещения в глубине. Помещение по своим размерам напоминало авиационный ангар. Каин и Потер были уже там, они водили карандашами по чертежу, разложенному на скамейке, обсуждая что-то в устройстве, стоящем в центре зала.

Блестящий металлический объект, стоящий в центре зала, напоминал нечто среднее между автомобильным двигателем и длинноствольной зениткой. Но его вид не мог никого обмануть. Любой грамотный специалист-баллистик после краткого изучения мог понять назначение этого устройства. Ряд маленьких ракет, стоящих у основания устройства, выдавал его предназначение с головой – снаряды без гильз.

Предметом обсуждения Каина и Портера была опытная модель автоматической зенитки, очень эффективной за счет использования в ней жидкой взрывчатки. Эту взрывчатку можно было быстро закачать в ракету, ее можно было пропускать через форсунку, а ракета была снабжена электрическим детонатором. По чертежам эта установка могла выпускать шестьсот ракет в минуту на высоту около семнадцати тысяч футов. Но вот на испытаниях это не подтвердилось, установка нагревалась и траектория запуска становилась нестабильной.

Теперь они искали новые способы, при помощи которых можно было бы обойти эту трудность. Идея была прекрасной, но на практике в устройстве не срабатывало огромное количество мелочей, больше чем блох у блохастой собаки. Если недели или месяцы проб и ошибок, споров и поисков приведут к решению этой проблемы, то страна получит устройство, способное разорвать небо пополам.

Сейчас они находились в такой стадии, когда, кусая ногти, мучительно думали над единственной проблемой, как снизить нагрев установки, не снижая при этом темпа стрельбы. Это

было не так уж невозможно, как это может показаться с первого взгляда. При последнем решении они пришли к много ствольной установке, стреляющей сериями. Но для последних испытаний установка была еще не готова.

Каин прекратил ворчать на Портера и повернулся к Брансому.

– Ну, вот еще один непризнанный гений, – сказал он. – Да будет Вам известно, мы пришли к решению проблемы.

– И какое же это решение? – спросил Брансом.

– Или же направляющий, или же корпуса ракет надо делать из сплава, создающего минимальное трение, – улыбнулся Каин, – как специалисту в области сплавов тебе и карты в руки. Так что, давай, дерзай!

– Очень хорошо, сделаю, конечно, если смогу.

– Но нам надо будет обскакать Хиндельмана, – заметил Портер, – если они смогут стабилизировать полет этих штук тем путем, каким собираются, то нашу штуку можно будет просто выбросить, – он махнул рукой в сторону установки. – Ракеты будут управляемыми, и тогда нам нужно будет создать простую стартовую установку и получится управляемая радарными базака.

– Я не специалист во взрывчатых веществах, но не понимаю, чем этот способ лучше нашего, – заметил Каин. – Но и это надо попробовать, – он четыре раза обошел вокруг установки. – Эта штука – жертва собственной эффективности. Нам надо найти способ какой-то, чтобы обрезать все пакости и в то же время не затронуть удовольствие. И чтобы мне в свое время не заниматься литературой, тогда бы у меня была бы сейчас легкая жизнь.

– Установка должна быть много ствольной, – сказал Портер.

– Это значит признать поражение. А я не хочу признавать поражение, да и ты, я думаю, тоже. Нет, сдаваться нельзя. Я строил эту штуку. Это – моя жизнь. Это – моя любовь. И пусть идут к чертям все критики. – Он не заметил сочувствия в глазах Брансома. – Вот ты бы выбросил предмет своей любви только из-за того, что он приносит тебе много хлопот?

Когда он увидел, что Брансом при этих словах побледнел и, не отвечая отошел в сторону, помолчав несколько минут, спросил Портера удивленно:

– Я что-нибудь не так сказал? Черт побери, я так и не понял, то ли он хочет выброситься в окно, то ли броситься на меня. Я никогда не видел его таким. Я что, что-нибудь не так сказал?

– Ты, наверное, наступил на его любимую мозоль.

– Какую мозоль? Я только сказал...

– Я слышал, что ты сказал. Я слышал тебя прекрасно. Очевидно, это для него что-то значит, что-то очень важное, что его очень трогает. Может, у него дома неприятности. Может, они поругались с женой, и в запарке он пожелал ей смерти?

– Он никогда не сделает такого. Я его хорошо знаю. Он не такой, чтобы поддаваться эмоциям, даже дома.

– Может, его жена? Некоторые женщины могут впасть в истерику из-за любого пустяка. Может, жена довела его до того, что ему свет не мил?

– Я думаю, он в таких случаях просто умолкает и не будет подливать масла в огонь. В последний раз на курорте он просто собрал чемодан и уехал.

– Да, я тоже думаю так о нем, – согласился Портер. – Но мы можем и ошибаться. Никто не может сказать, что можно ожидать от человека в критической ситуации. Любая неожиданность может вызвать совершенно неожиданную ситуацию. Здоровенный мужчина начинает, как страус, зарывать свою голову в песок, в то время, как хилый мужичонка совершает героические подвиги...

– Да Бог с ним, – сказал нетерпеливо Каин, – пусть он сам решает свои собственные проблемы, а нам хоть бы на половину сократить свои собственные.

И вернувшись к чертежам на скамейке, они снова принялись обсуждать устройство.

Глава 3

Брансом ушел с работы в пять, попрощался кивками с охранниками и направился домой. День был очень неудачным, самым неудачным из тех, что он мог вспомнить. Все получалось не так, как хотелось. Казалось, что весь день он провел за тем, что оглядывался в страхе через плечо, отгоняя страх перед будущим, и пытался сосредоточиться на работе.

Способность сосредотачиваться на своей работе – главная черта любого научного сотрудника. А как человек может решать научные задачи, если в его голове постоянно крутятся мысли об электрическом стуле? Теперь он страдал все двадцать четыре часа кряду от нервного напряжения только из-за того, что подслушал болтовню двух водителей грузовиков о каком-то старом преступлении, где-то в районе Бельстона. Дерево, о котором они говорили, не обязательно было ТЕМ деревом, а кости под тем деревом не обязательно были ТЕМИ костями. Вполне возможно, что на свет появился совсем не его старый грех, а чей-то еще, и сейчас полным ходом идет травля не его, а кого-то совсем другого.

Очень жаль, что у него не хватило находчивости вмешаться в разговор водителей и выпытать у них кое-какие детали, чтобы быть полностью уверенным. А может, это было наоборот очень мудрым решением? Да, наверное, если бы то, что они рассказывали, вызвало бы в нем ужас, нет, если бы это подтвердило его худшие предположения. Тогда, в последствии, он мог бы вызвать к себе этим подозрение. В таком случае, как у него, лучше сохранять максимальную скромность.

– А вам то что до всего этого, мистер?

Как тут ответишь на такой вопрос? Что тут можно сказать? Только что-нибудь глупое и неподходящее, и это тоже может вызвать еще большее подозрение?

"Да просто я раньше жил поблизости".

А теперь? Около Бельстона? Вы не помните, как в этих местах пропала женщина? А может, вы можете назвать нам кого-нибудь, кто такое событие помнит? А, может, вы сами знаете что-нибудь?

Если эти двое опять там в буфете, что сделать лучше: не обратить внимание или наоборот подсесть к ним и попробовать навести их на разговор об этом и выяснить подробности? Он не мог этого решить. Если бы он умел пить спиртное в больших дозах, то можно было бы подсесть к парням и навести их на разговор на эту тему за пивом, купить несколько бутылок и пить вместе с ними. Но он редко пил спиртное, да еще в таких количествах, и в таком обществе, и боялся, что у него не хватит способности сделать все это естественно, не возбуждая подозрений.

Все эти мысли вылетели из его головы, как только он повернул за угол и столкнулся лицом к лицу с полицейским. Его сердце так и подпрыгнуло. Он постарался пройти мимо с видом независимости и безразличия, он даже начал насвистывать песенку.

Полицейский следил за ним глазами, поблескивавшими под козырьком фуражки. Брансом старался идти как можно более независимо и спокойно, чувствовал или воображал, что чувствует, как глаза полицейского сверлят его затылок. Брансом шел и думал, не привлекает ли он внимание тем, что переигрывает свое безразличие, как ребенок выдает свой поступок, принимая слишком невинный вид.

Он шел вперед с нервами натянутыми как струна и прекрасно понимал, что раздайся сейчас за его спиной повелительный окрик: "Эй, ты!" и он бросится бежать. Тогда он побежит как сумасшедший по тротуару, через улицу, не обращая внимание на движение, потом побежит куда-нибудь в дальние аллеи, а за его спиной будут греметь чьи-то шаги и раздаваться крики. А он будет бежать, бежать, пока не упадет без сил. И тогда они его получат.

Но окрика, который заставил бы его бежать, не последовало. Дойдя до следующего угла, он не смог удержаться, чтобы не оглянуться назад. Полицейский стоял все на том же месте и все так же смотрел ему вслед. Оказавшись за углом, Брансом остановился, досчитал до десяти и после этого выглянул за угол. Полицейский стоял на том же месте, но теперь его внимание привлекло что-то на другой стороне улицы.

Он облегченно вздохнул от чувства миновавшей опасности, его прошиб пот и отправился дальше к станции. На станции он купил вечерние газеты, спешно просмотрел их, ища там новости, которые его так волновали, но ничего не нашел. Правда, это еще ничего не значило. Полиция может дать материалы в газеты только после того, как они арестуют его и не раньше. Обычно они не любят вовлекать в свои дела раньше времени, если конечно, имя преступника им уже известно и огласка в прессе им только поможет в охоте, тогда – другое дело.

Поезд вез его к станции пересадки. Выйдя из поезда, он направился прямо в буфет. Водителей там не было. Он даже не понял, что ему от этого почувствовалось, облегчение или расстройство. Единственным посетителем буфета был здоровенный мужчина с невыразительным лицом, который сидел на стуле у стойки и рассматривал со скуки свое отражение в зеркале, которое висело в углу буфета.

Брансом заказал черный кофе, сел за стойку и когда кофе подали, и он начал его отхлебывать, его глаза встретились в зеркале с глазами посетителя. Ему показалось, что незнакомец не просто взглянул на него, а рассматривал его с подозрительным интересом. Брансом отвел глаза, подождал минуту, потом взглянул в зеркало снова. Детина все еще изучал свое отражение в зеркале, и взгляд его был полон надменности как будто в его привычке было вот так уставиться на людей и этим открыто вызвать их на какие-то действия.

В буфет зашел железнодорожник, купил пару сэндвичей и, взяв их с собой, вышел. Детина продолжал сидеть, вопросительно уставившись в зеркало. Брансом старался изо всех сил безразлично пить кофе и не смотреть в зеркало, но какая-то гипнотическая сила так и тянула его взгляд к зеркалу. И каждый раз его взгляд встречался с другим взглядом.

Мне надо избегать этого буфета, решил он. Слишком часто и слишком давно я захожу сюда. Надо постоянно менять привычки, иначе преследователи будут точно знать, где меня можно найти в любой момент. Все что им потребуется – это пройти по созданному мной же маршруту и взять меня в одном из его концов. Надо изменить привычки, и тогда преследователи не будут знать где меня искать.

"Они"; кто "Они"?

Служители закона всех рангов, конечно. И этот здоровенный детина, вполне возможно. Вполне возможно, что это переодетый полицейский, которому не хватает улик, чтобы арестовать его и он следит за ним в надежде, что он, Брансом, совершит какую-нибудь ошибку и выдаст себя с головой.

Ну нет, он сам себя выдавать не будет, по крайней мере, пока он в здравом разуме. Полиция нашла груды человеческих костей и пусть сама решает их загадку. Он им в этом не помощник. Свое дело пусть они делают сами, потому что жизнь прекрасна, даже если у тебя в голове сидит дьявол и грызет тебя. А смерть все равно полна ужаса.

Не допив кофе, он слез со стула и направился к выходу. Детина повернулся тоже встал со стула, все его внимание было устремлено на Брансома. Он как бы чуть-чуть ослабил веревочку, чтобы дать преследуемой жертве отбежать подальше, когда жертва просто отдается ему в руки.

Если идея заключалась в том, что Брансом сейчас бросится бежать как заяц, то она не сработала. И хотя в деле уклонения от закона Брансом был новичок, он все же был не дурак. Он был человеком с высоким интеллектом и пытался действовать разумно в незнакомой ему обстановке, хотя любой уголовник знает наизусть, как действовать в таких случаях. Но у него было большое желание научиться этому, и медленно он осваивал эти законы. Та встреча с

полицейским на улице научила его не действовать слишком быстро и открыто. Поспешность – это поражение.

Правильность выбранной тактики, это действовать совершенно нормально и притворяться, что человек рядом с тобой всего лишь неотличимая частичка всего человечества: в то время как ты прекрасно знаешь, что эта частичка слишком отличается от других. Это тяжело, чертовски тяжело, особенно для человека, у которого нет актерской подготовки, и у которого в мозгу звенит одна и та же мысль, как звонок тревожной сигнализации, но это надо сделать.

Таким образом при выходе он постарался на взгляд детины ответить таким же взглядом. Он вышел на станцию и сел в самый последний вагон. Это давало ему преимущество. Он мог наблюдать за всей платформой и видеть все, что происходит, в то время как окружающий думают, что он читает газету.

Напряженно, через край газеты, он вглядывался в происходящее на перроне, он увидел, как детина из буфета прошел на перрон и сел в третий вагон, как раз в тот, где сейчас сидели Коннели и Фамилоу.

Почему детина сел в тот вагон? Было ли это просто совпадением, или же они уже знают его привычки? Очевидно, если это последнее, то детина должен будет что-то предпринять, когда обнаружит, что Брансома нет в вагоне. Но что он тогда сделает? Он наверняка попадет в затруднительное положение, когда обнаружит, что Брансома нет в вагоне и у него уже нет времени, чтобы обследовать поезд до отправления. Перед станет выбор или же остаться в поезде и осмотреть его во время пути или же остаться на станции и обыскать все вокруг там.

Поезд загудел, дернулся и стал набирать скорость, постукивая все быстрее и быстрее на стыках. Брансом не заметил, что детина вышел из поезда. Очевидно, он остался в нем. Если он остался и не выйдет на станции, где обычно выходит Брансом, то все в порядке. Все это просто докажет, что его перепуганный мозг куста боится.

Но если этот тип пойдет вдоль поезда, если попытается следить за Брансомом, если сойдет на той же станции, что и Брансом...

Возможно, он именно сейчас сидит и пытается втянуть в разговор Коннели и Фамилоу, стараясь свести разговор на интересующую его тему и получить кусочки информации, которые не имеют огромного значения для говорящих, но имеют огромное значение для слушающего, и все это делается с привычной профессиональной сноровкой. Может быть, именно в этот момент детина узнает, что сегодня первый раз за многие месяцы Брансом отказался от своих обычных попутчиков, что вчера он вел себя очень странно, был чем-то озабочен или просто болен и так далее.

Это ставит перед преследуемым еще один выбор. Изменить ли свои обычные действия, когда они уже известны противнику или продолжить все это как ни в чем не бывало. Изменить привычки так резко – значит точно привлечь внимание. Вести себя как обычно – значит, они будут знать, где тебя искать в любой момент, но прекрасно знают, что ты виновен, но не знают, где тебя искать, если ты изменишь привычки.

"Невиновен, да? А почему ты тогда бегал от нас и петлял, как заяц?"

Или же "Нам пришлось побегать за тобой! А от нас бегают только виновные. Как ты все это объяснишь?"

И с этого момента все и начинается.

"Почему ты убил Элайн?"

"Ну, давай рассказывай нам про Элайн... Элайн!"

Это ударило его, как кирпичом.

Элайн, а как дальше?

Поезд подъехал к его станции и остановился. Он автоматически вышел, не вполне представляя, что делает. Он был так занят попыткой вспомнить имя своей жертвы, что совсем забыл проследить за детинкой из буфета.

"Я должен точно знать имя женщины, которую убил. Я мог стать забывчивым, но не до такой же степени. Имя должно быть у меня где-то в памяти, просто я не могу его так срочно найти. Двадцать лет большой срок. Я знаю, я очень старался стереть этот эпизод из моей памяти, как дурной сон, я пытался убедить себя, что этого никогда не было, что все это я просто придумал. И все равно это очень странно, что я не могу вспомнить ее полного имени.

Элайн?..

Детина из буфета попал в его поле зрения, когда поезд дал гудок и тронулся с места.

Эта проблема сразу же вылетела из головы Брансома, он вышел со станции и направился по дороге к дому. У него похолодел затылок, когда он услышал спокойные уверенные шаги сзади себя, всего лишь в двадцати шагах позади.

Вопросы один за другим нанизывались на нитку. Он завернул за угол, шаги последовали за ним. Он пересек улицу, шаги за ним. Он вышел на свою улицу, человек следовал за ним.

Теперь перед ним стоял новый вопрос. Знает ли преследователь его адрес или же преследует его с целью выяснить это?

В первом случае Брансом может спокойно последовать домой. Во втором варианте пойти домой означало снабдить их информацией, которую они хотят получить.

Наконец он пришел к решению, и твердо прошел мимо собственного дома, молясь в душе, чтобы дети не увидели его и не выбежали с криком на улицу вдогонку за ним, раскрывая незнакомцу то, что он старался скрыть. Ни на одно мгновение у него в голове не возник вопрос, почему его преследователь делает свою работу так небрежно. Если бы он догадался бы задуматься об этом, то сразу же понял бы, что цель всего этого заставить его паниковать и в панике выдать себя.

Ни одна знакомая фигура не попадалась на его пути и не поставила под угрозу его обходной маневр, пока он не заметил вдали фигуру молодого Джимми Лингстрема. Но он очень удачно избежал встречи, свернув на боковую улочку. Тяжелые шаги продолжали преследовать его.

На другом конце своей улицы он заметил полицейского, прислонившегося к столбу. Вид человека заставил Брансома на мгновение засомневаться. Затем он понял, что это очень удачное решение в сложившейся ситуации.

Ускорив шаги, он подошел к полицейскому и сказал:

– Здоровенный детина преследует меня вот уже полчаса. Мне это не нравится. Я боюсь, что он хочет обокрасть меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.